

ВЛАДИМИР ПАНКОВ

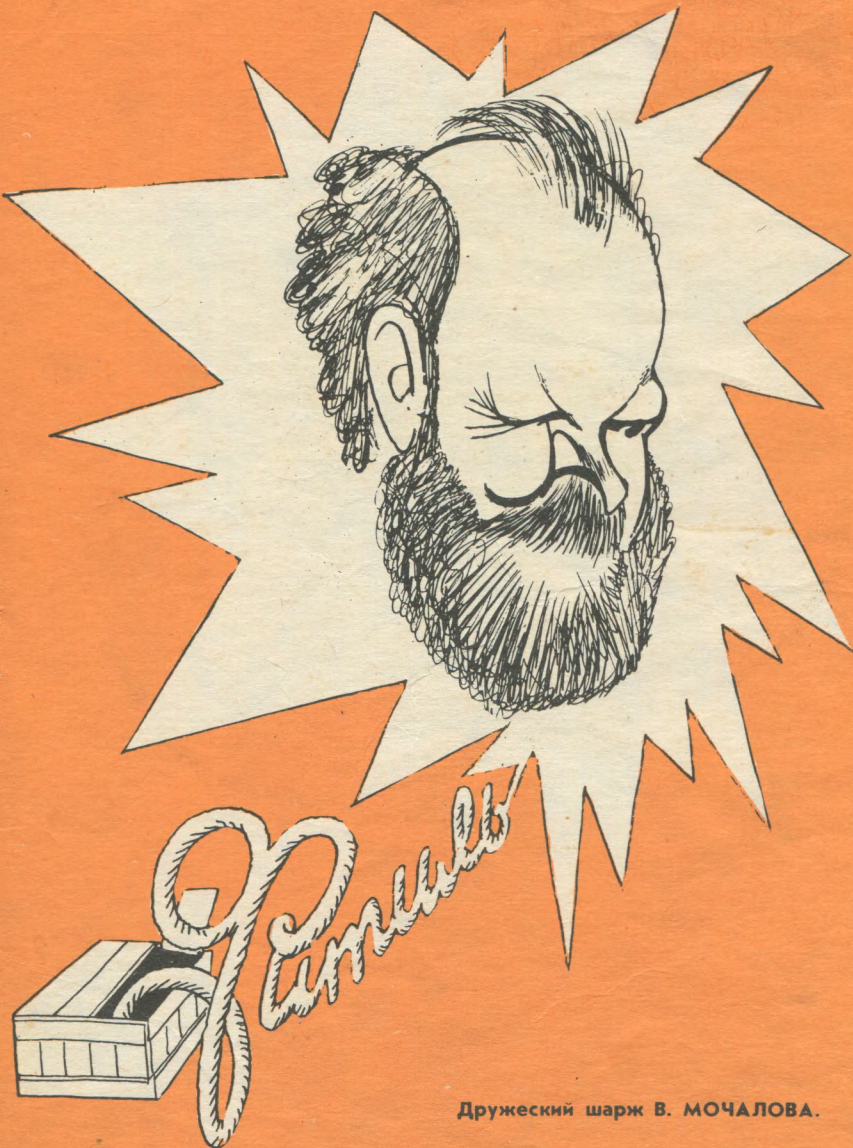
СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**15
(956)**

ISSN 0132-2141

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

ВЛАДИМИР ПАНКОВ

**СТИХИЙНОЕ
БЕДСТВО**

Рассказы

Рисунки В. ВЛАДОВА.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1984

Когда-то эта станция называлась просто «Платформа 317 км», но со временем сумела избавиться от своей безликости и получила имя «Прищепино», хотя на обозримом расстоянии никакого населенного пункта не было заметно.

Поезда здесь останавливались чаще, чем на других, более значительных станциях, хотя народу всегда сходило немного. И все больше в железнодорожной форме.

Сошедшие шли потом проселком на своих двоих версты три, пока вдруг из-за поворота им не открывалось то самое село, именем которого была наречена станция...

В 16.43 местный потрепанный поезд высадил всего одного пассажира — невысокую молодую женщину в черной форменной юбке и белой рубашке. Пошла она со станции сразу ходко и еще до подхода к селу догнала пожилую женщину в берете и с баулом, приехавшую почтовым в 16.30, который только из-за нее одной и сделал остановку в Прищепино.

— Здрасьте, тетя Паш,— сказала молодая,— давайте баульчик... помогу.

— А, Шура,— обрадовалась пожилая,— ты случаем не со скорого?

— Не, я местным из Сретенска.

— На местном кочегаришь? А я в купейном нонче. Ну, ниче, ты молодая, еще в мягком будешь...

Подходя к мостку через Щепу, заметили отдохавшего на берегу мужчину в железнодорожной фуражке. Он снял ботинки и блаженно отмачивал уставшие ноги в прохладной реке.

— Прокопыч,— позвала тетя Паша,— ты че, притомился?

— Ноги сомлели, — откликнулся Прокопыч, — аж с самого Ташкента... Гудят треклятые. Бабоньки, вы ж меня погодите. Я скоро. Вмestях все же веселее идти-то.

Он быстро обулся и встал. Потом загрузил на одно плечо свернутый в трубку ковер, а другой рукой подхватил авоську с неимоверно большой дыней.

— Ого, дядя Сергей, — усмехнулась Шура, — давайте-ка мне что полегче.

Тетя Паша недовольно приняла свой баул обратно, а Шура схватила авоську.

— Мама родная, — только и успела выдать из себя Шура и едва не упала вместе с дыней на траву.

— С ума девка сошла, — осудила тетя Паша, — хочешь, чтоб детей никогда не было?

— Возьми ковер, — предложил Прокопыч, — он легкий.

— Как пушинка, — съязвила тетя Паша.

Как ни странно, ковер в самом деле оказался много легче дыни.

— Ну че, каки новости? — спросила тетя Паша, уходя в тень берез, росших вдоль тропы.

— Тю, новости, — отвечал Прокопыч, изгибаясь под тяжестью дыни, — как всюду, так и у нас.

— Тебя что, Агафон вызвал?

— Телеграмму отбил. Видать, срочность какая.

— Чего там стряслось? Не помер кто?

— Навряд. В телеграмме было бы указано.

— Я уж думаю, думаю. Волнуюсь ажно.

— Неизвестность, тетя Паш, такое дело...

Вышли к повороту.

— Гли, еще ктой-то топает.

— Это Спиридон. Большая шишка ноне. В спальном ездит, эСВэ. Не подступись. Нос задрашши.

-- Когда это он в спальне-то?

— Рука у него гдей-то.

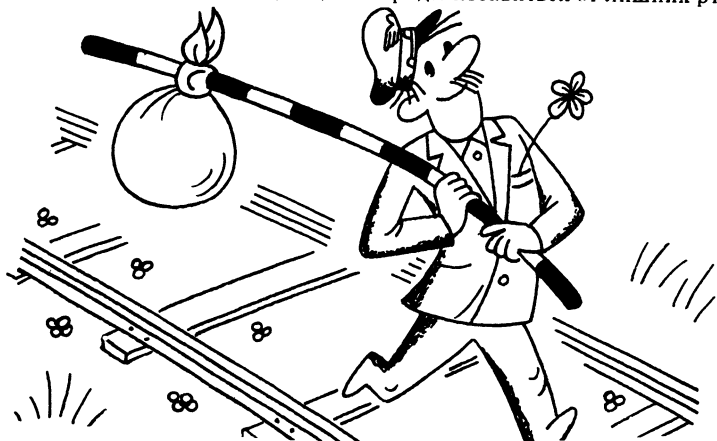
— Кликнуть?

— Ну его к лешему. Без него дойдем.

Село открылось за поворотом сразу. Домики ярко-зеленые, голубые, новенькие. Палисадники нарядные, а вот хозяйственные строения, чувствовалось, древние — дальше некуда. Когда-то это было пребедное село, на его невестах жениться считалось зазорным. «Что с их взять-то?»

Теперь невесты из Прищепино на вес золота, да только не очень-то идут они на сторону. Наоборот, женихов за собой тянут и строятся здесь. Этот ярко-зеленый и голубой «микрорайон новобрачных» у входа в деревню даже шутя называли Черемушками, хотя в чем тут шутка, никто толком не знал.

А вывел когда-то Прищепино из пребудности на широкую дорогу жизни Терентий, отец Агафона, созывавшего ныне со всех концов необъятной страны блудных жителей села за каким-то делом. Еще во время оно устроился Терентий на железной дороге кондуктором, прижился там и стал, как патриот села, тянуть своих. Прищепкинцы, не сводившие концы с концами, были рады избавиться от лишних ртов

да заодно вывести детей в люди. Однако постепенно село стало жить именно за счет своих проводников. Они ж по стране колесят, в Москве бывают, в других важных городах, ну и, понятно, всякий товар могут купить по угодной цене. Так что снабжение в Прищепино прекрасное. Одеваются здесь в самое модное. Можно встретить рижскую шляпку с полями, кожаную кепку из Улан-Удэ и даже кроличью шапку-ушанку, которую достанешь разве только в столице.

Прищепино — единственное село в области, где даже зимой не переводятся апельсины. И все это дали родному селу проводники. Профессия стала почетной, престижной. Были семьи, где все до единого служили в вагонах. Понятно, что коровами, баранами, курами заниматься в Прищепино стало некому, да и зачем, когда всегда привезти можно. Больше того, здесь уже давно никто не косил, не жал и не сеял. Формально село входило в колхоз «Вперед», имело здесь бригаду, но в бригаде числились одни старухи, которые годились разве что пасти гусей.

Правда, сады здесь были неплохие. Посаженные давно, они еще давали хороший урожай, и осенью проводники волокли яблоки на станцию мешками, которые затем спокойно ехали в купе проводников до тех мест, где яблок не бывало и где они были в цене.

Бригадир Агафон тоже когда-то шел по стопам своего отца, благодетеля всего села, но, выпрыгивая как-то на ходу со скорого, не желавшего останавливаться на «Платформе 317 км», сломал ногу и вынужден был вернуться домой. Но поезда с того времени стали покорно останавливаться на скромном полустанке, а он, в свою очередь, получил его нынешнее солидное наименование.

Стараниями бригадира в селе была открыта профессионально-техническая школа с железнодорожным уклоном, где дети, изучая географию и мечтая о дальних странствиях, очень скоро получали возможность воплощать свою мечту в жизнь.

Единственное, чего не удалось бригадиру, так это пробить селу статут рабочего поселка, что сразу сняло бы с Прищепино заботы о сельских работах. Агафону возразили в районе, что проводник — это не рабочий, а служащий, а служащих поселков не бывает, как не бывает поселков чиновников или поселков бюрократов.

И все же окрестные села люто завидовали прищепинцам:

— От устроились, холеры.

И вот теперь что-то случилось. Из-за пустяков Агафон Терентьич не стал бы тратить на телеграммы в разные концы страны. Это и тревожило прибывших. Строили догадки, некоторые умничали, разворачиваясь до фантастических гипотез... Так что зазывать на собрание в приказном порядке, как это часто практикуется, в Прищепино не пришлось. Приехавшие в последнюю минуту торопливо умылись с дороги, чистили форму и спешили в клуб. На собрания было принято являться только в форме.

Уже в шесть большой каменный клуб был полон. В отличие от других сельских клубов он был в ухоженном состоянии, здесь повсюду функционировала художественная самодеятельность, и лузгать семечки во время киносеансов запрещалось категорически. Самодеятельность в основном была детская (школы с железнодорожным уклоном) и устраивала вечера на волнующие души жителей темы: «Хозяин вагона», «Постелью и чаем пассажира привечаем» и «Молодым везде у нас дорога», где молодежь воспитывала себя в духе страстной любви к своей профессии.

Последним на собрание пришел, как это ни странно, сам Агафон Терентьич. Считалось, что он правит тезисы доклада в своем кабинете, но он просто дослушивал там репортаж о футбольном матче с участием «Локомотива». (Все в Прищепино, естественно, болели только за эту команду.)

Пока Агафон топает к столу президиума из кабинета, у нас есть возможность сказать несколько слов о самом кабинете... Всю стену занимает в нем карта железных дорог страны, а на отдельной этажерке аккуратно стоят карманные брошюры с расписаниями всех поездов нашего государства. Таким образом, хозяин кабинета всегда точно знает, в какой точке находится любой житель его селения.

Памятка с номерами вагонов висит отдельно. В скобочках указан номер вагона в обратном направлении.

Именно из-за полноты этих данных почти все телеграммы Агафона попали в точку. Не добрались до Прищепино только двое: Коновалов — он был в Париже и Темечкина — ее поезд опаздывал на восемь часов где-то в районе Караганды.

Приемник сообщил, что игра закончилась вничью, ждать больше было нечего, и Агафон Терентьич, надев свой парадный проводниковский костюм и взяв трость, пошел в клуб.

Еще недавно он ходил с костылем, потом с палкой, но вот Коновалов привез ему из Бельгии красивую трость, и Агафон, рискуя жизнью, стал ходить с этой ненадежной, похожей на соломинку, заграничной чепуховиной.

При его появлении зал загомонил. Агафон молча прошел к столу президиума и сел в гордом одиночестве.

Из-за кулис процокала каблучками завклубом:

— Прошу внимания. Сейчас вы заслушаете сообщение Агафона Терентьича... — И ушла обратно как ни в чем не бывало.

— Я сидя, — извинительно улыбнулся Агафон.

— Ничего, ничего, — согласилось собрание.

— Я собрал вас по одному делу, — начал бригадир, — по важному делу. Я бы даже подчеркнул — принципиальному делу...

Агафон задумчиво покрутил трость.

— Все мы относимся к славному племени железнодорожных проводников. У нас уже есть традиции. Отцов и дедов. Я лично жизнь положил на железную дорогу, чтобы получить те льготы, которые я имею. Которые имеет каждый из вас... Ну, там бесплатный проезд и так далее. Вы знаете. Мы хоть и получаем не так много, но у нас есть возможности. Некоторые возможности, чтобы поправить свое финансовое положение. Ну, это вы тоже знаете, хотя этому в школе не учат... Я имею в виду взять посылочку за рубчик-два-три, провести слепачка, ну и так далее... Так что наша профессия внакладе никогда не остается. Больше того, с помощью этой профессии мы превратили наше прежде задрипанное село в райский уголок! В рабочий поселок! В образцовое селение!

— Покороче давай, Терентьич, а то невтерпещ...

— Тут короче нельзя. Тут вопрос принципа. — Агафон строго глянул на свою дочь Нютку, сидевшую в первом ряду с брезгливым выражением на лице. — Поехали дальше... У нас в Прищепино есть своя школа с нужным нам уклоном. Нашим детям не надо беспокоиться о своем призвании. Оно всегда с ними, как тот праздник, который всегда со мной.

— Что за праздник? — поинтересовались из зала.

— Это так. К слову пришлось. К делу не относится... Поехали дальше.

— Хватит ездить, говори дело.

Агафон привстал, опираясь на свою великолепную трость:

— Прищепинцы! Земляки!.. В наших рядах появились отщепенцы.

— Какие-такие?

— Мне это больнее других, потому что среди них моя дочь.

— Вона?! Что она выкинула?

Агафон сделал паузу. Нахмурил брови.

— Они хотят свернуть со священного железнодорожного пути отцов и матерей,— Агафон поднял трость, как посох.— Они хотят в стюардессы!

Бригадир сел. Зал затих, ошеломленный услышанным.

— Драть их надо,— крикнула тетя Паша,— кнутом.

— Не поможет,— возразил Прокопыч,— драть, но методом убеждения!

— А много ль их?

— Дык было двое, но одну, Тоньку Коновалову, мы уломали. Теперь эта осталась. Всего одна, немного, но ведь зараза может пойти, поветрие. Как я уже здесь выражался, это — дело принципа.

— Да. Тут только дай волю, потом не расхлебается.

— А давайте все же ее послушаем,— предложила Шура,— может, у нее тоже принцип есть.

Нютка с готовностью поднялась, но говорить ей не дали.

— Нечего! Молода еще нас-то учить.

— Не давать слова! Без ее слов обойдемся.

— Нельзя давать поточки.

— Драть надо, драть.

— Ну, че вы орете-то, как на базаре? — вдруг как-то слишком громко кинула Нютка. — Вам чего, уже и слово мое мешает?

— Пусть говорит. Уши, поди, не завянут.

— Вы рожденные ползать, вот кто вы, — крикнула Нютка, — а я летать хочу.

— Ну сказанула. Теперя уши уж точно завянут.

— Я летать хочу, — повторила Нютка с металлическими нотками в голосе, — отец меня уж драл, чуть трость свою не обломил, а толку? Все одно хочу летать. Все одно пойду в стюардессы. И чего вы так взъелись-то? Ведь же стюардесса — это родная сестра проводницы.

— Ой, родная сестра — ну, договорилась!

— Ну пусть двоюродная, но сестра же! Поймите, мечта у меня есть. С детства летать хочу. Во сне летала, теперь хочу в самом деле. Хочу землю поглядеть.

— Так на железных дорогах-то не увидишь, что ли?

— Э, это не то. Мне другой масштаб нужен. Чтоб далеко видать...

— А я, Агафон Терентьич, вот что предлагаю, — решительно встала тетя Паша, — думаю, замуж ее надо, а? Тогда вся дурь у нее в детей уйдет, в хозяйство. С дитем на руках не полетаешь.

— Да кто ее возьмет, стюардессу? Даже на слух неприлично выговаривать.

(Тут автор приносит извинения за некоторые недипломатические выражения, слетающие с уст героев в пылу полемики.)

— А я так думаю, — врезался в распря Агафон, — что надо ставить вопрос шире и глубже. Кто такие мы с вами? Мы это как красные кровяные тельца в стальных артериях страны. Мы та самая заварка, без которой любой чай останется простым кипятком. Мы носители чистоты в вагонах... В нашу среду должны попадать только лучшие из лучших. Вы все должны запомнить, что мы не шушера какая-то, мы особый народ. А наше Прищепино — такой же центр, как для ткачей Иваново, для стеклодувов Гусь-Хрустальный или Тольятти для автостроителей. И мы никому не позволим...

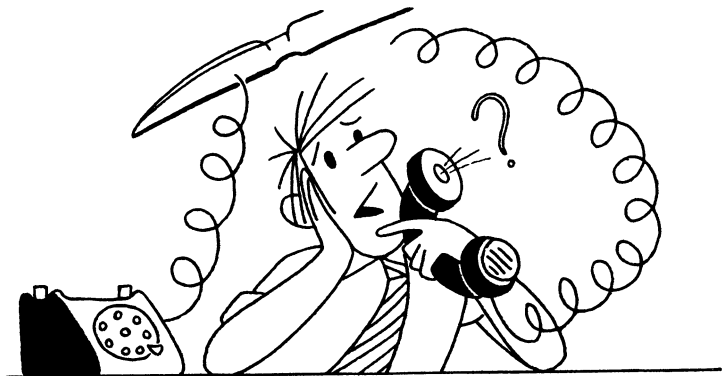
— Позволишь! — выкрикнула язва-дочь.

Агафон смешался. Весь публицистический пыл его тут же улетучился. И тут руку поднял Спиридон из спального — белая кость. Интеллигентно, без базара взял себе слово.

— Ладно, пусть себе кудахчет. Покудахчет и перестанет. И не таким крылышки подрезали.

Нютка гордо передернула плечом и пошла прочь к выходу. И тут... Не знаю, показалось ли, нет ли, но взмахнула вдруг руками Нютка, оторвалась от пола и... поплыла, полетела. Чтоб глаза мои лопнули, полетела!

Все, кто был в зале, онемели.

Никогда нельзя нарушать природный баланс. Иной раз хлопнешь себя по лбу, убьешь комара, а потом маешься целый день сам не свой, подсчитываешь последствия... Ведь комар — это пища для лягушек. А голодная лягушка уже не так питательна для аиста. И аисту на пустой желудок до теплых краев лететь тяжелее... Попробуйте сами после паршивой столовой руками помахать — далеко ли вы улетите?... Короче говоря, может так получиться, что на следующий год такой аист-дистрофик к нам уже не вернется. И лягушки расплодятся, как кролики. И всех комаров слопают и за невинных животных примутся... Да разве можно все последствия предугадать?

Так и у нас с Макаркиным получилось... А-а, думали мы, что нам Макаркин, что он один может?

Позванивал иногда, заходил редко. Вроде бы и ничего особенного из себя не представлял. Но оказалось, что и он в природном балансе что-то такое уравнивает...

Я его знал плохо. Так, приходили от него люди. Очень бывали уважаемые люди. Один заслуженный деятель не то искусств, не то техники, один кандидат не то каких-то наук, не то в мастера спорта, два поэта не то песенника, не то пародиста. Приходили, приносили записки, иногда говорили устно: я, мол, от Макаркина. Ну я, понятно, помогал им, чем мог. Все-таки заслуженные деятели, кандидаты, поэты... Заслужили свое — почему не помочь?

Мне лично Макаркин никаких особых услуг не оказывал. Один раз только, помнится, достал какие-то билеты куда-то для жены не то в театр, не то на самолет...

И только когдахватила его эта болезнь... Кстати, какая-то чудная болезнь. Я о такой болезни и не слыхивал. От любой болезни могу достать лекарство, а от этой никакие лекарства не помогали. Потребовалось, я слышал, хирургическое вмешательство.

Конечно, Макаркин сильно суетился по жизни, но кто из нас не суетится?.. Ну, крутился, звонил, бегал, доставал, обещал, выколачивал, устраивал, химичил... Кого сейчас этим удивишь? Многие крутятся и устраивают, но чтоб от этого заболеть?!

Говорят, перенапряжение у него, стресс. Я себе стресс этот самый представляю, как нокдаун изнутри... Но разве может быть нокдаун от телефонных звонков и обещаний?..

Говоря по-простому, Макаркин повредился. Что-то у него там в голове сместилось.

И была над ним операция. Черепок ему вскрыли, что-то там починили, поправили, а когда обратно гайки закрутили, был Макаркин уже совсем другим человеком. Отрегулировали ему там какие-то центры...

Вышел он из больницы — и прошлую жизнь, как бритвой... Знакомых перестал узнавать, добра не помнит.

Это не сразу, понятно, обнаружилось. Все же полагали, что он словно комар, а у него голова оказалась не голова, а диспетчерская.

Ему на дом звонки, просьбы, сложно-подчиненные предложения, а с него как с гуся вода. Тут вокруг него дела закручиваются, все кипит, а ему хоть бы хны.

Стали к родственникам апеллировать: мол, повлияйте, уже средства вложены, а машина вхолостую гудит, потому как одна шестеренка — Макаркин — крутиться не желает.

А родственники сами не бельмеса: они раньше как сыры в масле катались, горя не знали, а тут он словно бы не понимает их чаяний, то есть чего от него хотят. Словно бы у него какой-то иммунитет к связям появился!..

Вы это поймите, это уже серьезное положение, чрезвычайное. Тут не до смеха. Тут уже буквально вся экономика останавливается.

Оказывается, теперь неизвестно, кто кому должен звонить, чего обещать, кому словечко замолвить и, больше того, каким способом выплатить полагающееся вознаграждение. За услуги. При чем тут деньги? Разве в деньгах счастье? Деньги вообще ничего в жизни не решают, так только — душу успокаивают...

Так вот оказалось, что один Макаркин все это знал: кому, что, когда и сколько... А без его помощи вдруг все наши дела остановились... Напрасно вы представляете нас себе преступным миром. У нас ведь нет организованной преступности. Мы же все на службе находимся. И наши «дела» — это так, вроде хобби.

Мы не организованы, но взаимосвязаны. Главное в наших отношениях — услуги. Еще раз повторяю — не деньги, а услуги.

Обещания всякие, доставания, устраивание... А деньги нам не нужны. Нам зарплаты хватает...

Но взаимосвязь необходима.

Я уже говорил, что с Макаркиным я особых взаимоотношений никогда не поддерживал. Они у нас еле теплились... Но вот и меня, так сказать, приспичило.

Подросла у меня дочь. Подросла до критического возраста. Пришла пора отдавать ее в тот или иной институт.

Личных связей на сей счет у меня недобор был, и решил обратиться я к Макаркину. К Макаркину, который уже после болезни был... А я тогда еще не знал, какие у него осложнения после хирургического вмешательства, и стал одну за другой оказывать ему услуги. Это чтобы он почувствовал себя обязанным... Не буду говорить, во сколько мне это обошлось. Для меня не это главное. Главное, чтоб дочь...

Но вот подошла пора приемных экзаменов, и тут я узнал с ужасом, что Макаркин, извините за выражение, и не думал чесаться!.. Меня, естественно, охватило справедливое чувство негодования.

Но такое чувство, как оказалось, охватило не только меня. Люди, которые возлагали на Макаркина определенные надежды, но при этом жестоко просчитались, решили собраться вместе и потребовать от него выполнения своих функций. Нельзя же допускать, чтобы из-за одного недобросовестного человека нарушалась целая система добрых услуг.

Нас собралось целое общее собрание. Мы обсудили запущенное состояние дел, гневно осудили виновного во всем Макаркина... Надо сказать правду, он после операции в самом деле ничего не сообщал. Слушал прения и не подавал реплик.

Мы потому и пришли к вам, светилу нейрохирургии, за консультацией. Скажите по совести, нельзя ли вернуть нашему знакомому мозговые центры со всеми утраченными связями и знакомствами?

Конечно, мы знаем, что нервные клетки не восстанавливаются, но нельзя ли в виде исключения, так сказать, в порядке личного одолжения... Вы ж понимаете, что мы в долгу не останемся.

СТАРШИЙ ЮМОРИСТ

— Пятый месяц завод никак не может выбраться из прорыва, — директор был тих и печален, — и главное, каких-то особых, аварийных причин нет, все мелочи, но не тянем план, и точка.

Директор нажал кнопку на столе и вызвал секретаршу:

— Дина Павловна, у вас не найдется закуритъ?

Дина Павловна привычно достала сигарету из-за уха, подала ее директору и вышла.

— Мы тут посоветовались,— директор закурил,— и решили пригласить к нам на работу вас.

— Меня? — удивился сидевший в кресле. — На производство? Но я же просто юморист...

— Будете старший юморист.

— Но, наверно, нет такой единицы в штатном расписании?..

— А мы вас возьмем на должность старшего экономиста.

— Много я вам наэкономлю...

— Для вас работы хватит. На первый случай подстегнуть отстающих колкими эпиграммами. Я ваши колкости очень уважаю.

— Колкости? Вы имеете в виду репризы? То есть остроты...

— Нет, колкости. Между словами... — директор опять потянулся к кнопке. — У нас, знаете, когда рабочие двигают что-нибудь тяжелое, тоже всегда колкости употребляют. Но уже вслух...

На звонок снова явилась секретарша.

— Дина Павловна, передайте начальнику отдела кадров, чтобы он оформил товарища сатирика к нам в штат.

Директор обернулся к сатирику:

— А вы пройдитесь пока по цехам. Может, чего подберете для фельетона или как там у вас это называется...

Не успел новоявленный «старший юморист» выйти из здания заводууправления, как о его зачислении в штат и выходе за сбором материалов для фельетона знали все начальники цехов. Об этом по секрету (и по телефону, разумеется) оповестила всех Дина Павловна. Она была при директоре вроде пятой колонны и за небольшую мзду — коробку конфет к праздникам — держала начальников цехов в курсе всех событий.

— Он что, совсем? — покрутил у виска начальник цеха полуавтоматов Полуянов, имея в виду директора. — Этот же юморист нас может окончательно с грязью смешать. С фельетонами в наше время шутки плохи.

— Да что они, юмористы-сатирики, могут? — махнул рукой начальник цеха тонкого литья. — Ну выпустят «колючку» с карикатурой... Кто сегодня на это дело внимание обращает?

— Нет, ну почему? — начальник токарного цеха был отъявленный оптимист. — Даже шуты у короля и те говорили порой с трибуны на собрании очень горькую правду в глаза. А правда, даже очень горькая, вещь полезная. Как английская соль.

Тем временем известный в городе юморист-сатирик Федор Беляков задумчиво шел по заводскому двору. Он размышлял о возможностях сатиры, о силе острых слов, которые директор почему-то называл колкостями, о должности старшего юмориста и ее месте в общей сфере производства...

А что если он в самом деле может что-то свершить, принести реальную пользу?.. И не наступит ли такое время, когда в штатах многих учреждений на законных основаниях появится должность старшего юмориста?.. Главного юмориста, главного сатирика!.. С окладом, как у главного инженера или главного бухгалтера.

Да, но в каких формах может юморист принести пользу производству?.. Подстегивать отстающих «колкостями»? Не очень-то уверен, что это эффективно... А что если попробовать снять с помощью доброй улыбки раздражение у людей, пять месяцев не видевших премии? Или обратить их непреодолимые, казалось бы, проблемы в шутку, а?..

К середине дня сатирик вдруг набрел на одно вопиющее безобразие, тут же потребовавшее его острого пера. В модельном цехе столяры высшего разряда сооружали из дефицитных материалов и в рабочее время бар для директорского кабинета.

И поскольку Федору Белякову был дан карт-бланш на любую тему «не взирая на лица», уже к утру следующего дня возле проходной висела «колючка» с едкими колкостями в адрес директора.

И тогда по цехам, нарастая, как снежный ком, покатились паника. Никому, видно, не захотелось служить сырьем для следующей «колючки».

Отъявленный оптимист и любитель горькой правды — начальник

токарного цеха неожиданно распорядился закрыть ворота цеха на запор и не впускать никого, пока не будут убраны горы стружки, валявшейся под ногами.

Начальник цеха тонкого литья, готовый с презрением смотреть в глаза сатире, оставил рабочих на сверхурочные часы только для того, чтобы они отдраили закоптившиеся за долгие годы окна и починили вентиляцию.

Увидев всю эту суету, цех полуавтоматов за один день перешел на полную автоматизацию — установил в цехе автоматы, купленные пять лет назад за границей и лежавшие все это время во дворе цеха в нераспакованных контейнерах.

К вечеру Беякова вызвал к себе директор, который с утра был на совещании в тресте. Дина Павловна привела себя в состояние готовности номер два — сунула за оба уха запасные сигареты, в одну руку взяла валидол, в другую — стакан с водой и напрогла весь свой слух в ожидании удара директорского кулака по столу.

Однако вопреки ее расчетам директор встретил Беякова без крика. Он плотно закрыл дверь кабинета и хитро улыбнулся:

— Вы не можете себе представить всех результатов вашей деятельности, товарищ сатирик. Благодаря вам мы, кажется, начинаем выполнять план.

— Благодаря мне? — удивился Беяков. — Но ведь я выпустил всего одну «колючку», да и ту в ваш адрес.

— Милый вы мой, — засмеялся директор, — ведь какие сейчас разговоры по заводу идут: если уж он директора не побоялся высмеять, то чего тогда ждать другим?! Улавливаете?

— Улавливаю.

— Теперь у нас работа пойдет, уверяю вас.

Беяков вдруг тоже заулыбался:

— А скажите, только честно, вы этот бар исключительно ради моей сатиры стали в модельном цехе делать?

Директор подошел к двери, заглянул за нее, потом поднес палец ко рту:

— Но пусть будет нашей с вами маленькой тайной...

ДОРИАН ГРЕЙ СЕМЕНОВ

Заводскому художнику Рогову предзавкома Девицкий поручил нарисовать портреты передовых работников завода для Доски почета.

А Рогову после размалевки рекламных кинокарасавцев для клуба обыкновенные лица передовиков не показались что-то... Он взял да несколько передовых работников подменил не бог весть какими, зато фактуристами, броскими с лица, кровь с молоком.

ДОСКА ПОЧЕТА

— Ну, Семенова-то зачем рисовали? — уныло отругивал теперь бестолкового художника председатель завкома. — Да еще чуть ли не в масле.

— Именно в масле! — горячился Рогов. — Мне эти краски одна бабка лично готовила. Травки в поле собирала, масло сама сбивала... Чисто колдунья! Но зато как лежат, а? Восторг!

— При чем тут травки? Семенов ведь у нас на плохом счету. Можно сказать, первый подавальщик.

— Да будет вам! Мне важна не низкая правда жизни, а высокая правда искусства, — витийствовал художник. — Разве это плохо, если я всего лишь силой творческого воображения сумел превратить простого труженика в передового?..

Тем временем с Фейей Семеновым стало происходить что-то необъяснимое. Выпьет по случаю, а ни в одном глазу, будто в рот не брал, и голова по утрам не трещит, и понедельник — день нетяжелый. Короче говоря, жизнь стала терять всякий интерес.

Впервые заметил он в себе эту нездоровую черту характера пятнадцатого, после получки. Встали они с мастером Петровичем лагерем возле ларька, взяли по кружке пива. Крепкое у них за пазухой притаилось. Размялись по одной. Мастер сразу размялся: стал начальника цеха ругать, а у Феи язык ругать не поднимался — явный признак того, что трезвый.

Попробовал Федя взять себя пивом и даже скандалить полез, мол, Поликарповна в ларьке напиток разбавляет.

— Какое разбавляет? — остановил его мастер. — Ты погляди на общество. Все же в хорошем состоянии.

— А я?

— Может, заболел? — посочувствовал Петрович.

Допил Федя в познавательных целях остаток бутылки, еще раз убедился, что ничего его не берет, и с горя пошел домой трезвым. Чем крайне обеспокоил жену.

— Глянь, с полочки, а как стеклышко.— Клава с тревогой заглянула мужу в глаза.— Ой, уж не завел ли кого?..

И на всякий случай решила сходить в завком по моральному делу.

Уже на следующее утро Клава Семенова появилась в завкоме. Появилась, как бомба замедленного действия. Шла не спеша и величественно, но по всему чувствовалось, что взрыва не избежать.

И вдруг у Доски почета возню заметила. Предзавкома озлобленно срывал портрет ее мужа, неведомым путем попавший сегодня утром на Доску почета, а какой-то шкет протестовал.

— Рисовать рисуйте, кого хотите,— орал Девицкий,— а уж кого вешать — мы решаем.

— Вы уничтожаете мою лучшую работу,— вопил шкет.

— Тут вам не вернисаж,— топал ногами предзавкома,— тут вам не выставка ваших портретов, тут выставка наших портретов.

— Давайте спросим первого попавшегося зрителя... Скажите, вам этот портрет нравится?

— Ой,— обомлела Клава,— как живой.

— Это заинтересованный зритель,— зло вылил ушат ледяной воды Девицкий,— это супруга вашего Семенова.

— Тем более! — попытался перехватить инициативу художник.— Кому, как не жене, судить! — Он подбежал к Клаве.— Правда, похож?

— Похож,— подтвердила Клава,— и нос красный и зенки мутные...

— Ну вот,— обрадовался неожиданной подмоге Девицкий и спросил ехидно: — Может, он вам еще и в нетрезвом виде позировал?

— Да вы что? — благородно вскипел Рогов.— Для Доски-то почета в нетрезвом?.. Для вас, вижу, нет ничего святого.

— Это для него нет...— устало махнул в сторону портрета Девицкий.

Клава, понятно, забыла, зачем шла в завком в виде бомбы замедленного действия, но ее могучая энергетическая заряженность так подействовала на председателя завкома, что он согласился оставить Федю висеть на Доске.

А после работы Клава встречала мужа у проходной с кошелкой, в которой негромко позвякивало что-то стеклянное.

Федя шел бойко, в хорошем настроении. За ним с трудом угонялся обеспокоенный чем-то мастер Петрович.

— Привет! — ехидно остановила этот забег Клава.— Далеко собрались?

— Здорово, Клав,— безбоязненно сказал Федя.— Ты чего здесь делаешь? Сегодня же не получка.

— Стою вот,— загадочно усмехнулась Клава. — У тебя-то в жизни как, все нормально?

— А что у меня может случиться? — не понял Федя.

— Да ненормально у него, ненормально,— вмешался Петрович. — Он сегодня норму к чертовой матери перевыполнил!

— Ничего удивительного,— всезнающе пожала плечами Клава,— он же теперь на Доске почета,— и стрельнула глазами, куда надо.

У мастера, как глянул, челюсть отвалилась, а Федя только головой покачал:

— Силен! А что, еще мужчина в соку, а?

— Предлагаю обмыть портрет. — Клава деловито полезла в кошелку за чем-то стеклянным.

— Что, прямо здесь? — испугался Петрович.

— Хорошее дело прятать по подворотням нечего,— пояснила Клава и достала стаканы.

— За все хорошее! — твердо сказала Клавдия и одним глотком осушила свою посуду.

Очень скоро она запылала всеми щеками, Петрович привычно стал поругивать начальника цеха, и только Федя стоял трезвым и чужим на этом празднике жизни.

— Ты что не пьешь? — поразились Клавдия.

— Пью,— Семенов показал пустую посудину,— но не балдею.

И тут Федя нечаянно взглянул на свой портрет. Передовой труженик смотрел на него осоловелыми глазами, нос покраснел еще больше, а цвет лица стал вовсе землистым. Федя подобрался.

В этот момент из проходной вышел Рогов.

— Товарищ художник,— кокетливо позвала его Клава,— а мы тут ваш портрет обмываем.

— Портрет не мой, а вашего мужа,— расшаркался художник.

— Чего же ты меня, гад, словно алкаша малюешь? — неожиданно испортил обстановку любезности металлический голос Семенова.

— Федя,— Клава мгновенно повисла на мужниной руке,— ты пьян.

— Я трезв, как никогда.

— Ты мне чуть не каждый вечер такие заявления делаешь. Не смеши меня, трезвый... Вместе же пьем.

— В том-то и дело, что пьем вместе, а пьянеет он один. — Федя обиженно показал на портрет и схватил у жены бутылку.

С каждым глотком менялись на холсте краски — нос багровел, лицо зеленело. Художник Рогов тоже побледнел.

— Прямо как у Дориана Грея, помните? — прошептал он почти в ужасе. — Это не я, это бабка... Вот колдунья, а? Это она краски мне готовила.

— Что ты там бормочешь? Бабка, колдунья... Я-то что теперь целать буду? Куда я вечно трезвый-то? Кто со мной разговаривать

станет? Зачем ты меня коллективу противопоставил? — Федя даже слезу пустил. — Все люди как люди — выпивают, сдают бутылки, участвуют в жизни завода, а я...

В этот момент из проходной вынырнул предзавкома Девицкий.

— А, Семенов, поздравляю... Не зря мы тебя на Доску повесили. Ты, оказывается, сегодня норму резко перевыполнил.

— Ну, вот, — развел руками Федор.

— Я думаю, что за это большое спасибо надо сказать товарищу художнику. Он настоял, чтобы тебя поместили на Доску почета, и вот, видимо, сказался воспитательный фактор! Портрет тебе теперь не дает плохо работать. Молодцом. — Девицкий похлопал Семенова по плечу и бросил взгляд на портрет: — А что это за мурло?

— От каждого стакана меняется, — испуганно сказал Федя.

— У нас теперь дилемма, — задумался Девицкий, — то бишь выбор... Либо снять с Доски почета мурло этого алкаша...

— Но он же план перевыполнил! — крикнула Клава.

— Либо резко завязать с употреблением напитков, — продолжал Девицкий.

— Придется резко... — вздохнул Семенов.

— Федя... — с тоской прошептал мастер Петрович.

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО

На облезлой стене старого трехэтажного дома, под осыпавшейся местами штукатуркой неясно виднеется мраморная доска прямоугольной формы.

— Это она, видите? — показывает зонтиком на доску пожилой человек в мятном льняном костюме — жилец дома Коровин.

— И что, в самом деле мраморная? — сомневается одетый в длинный габардиновый плащ представитель жэка Бочкин.

— Сейчас посмотрим,— деловито отвечает местный скульптор Андронов, вызванный Бочкиным в качестве эксперта.

Взятым у Коровина зонтиком он стучит по штукатурке, отламывая куски покрупнее, затем, взявшись рукой за подоконник, подтягивает свое грузное тело поближе к доске и начинает изучать ее, едва не прикасаясь к ней носом.

— Это чудо! — почти в экстазе произносит Андронов, не в силах оторваться от поразившего его произведения искусства.

— Почистите надпись,— просит представитель жэка.

Скульптор неловко сковыривает кусок штукатурки с доски, после чего тяжело приземляется на асфальт.

— Смотрите, смотрите,— почти светясь от нахлынувших чувств, шепчет Коровин.— «В этом доме в годах останавливался Лев Толстой».

— Это написано? — с недоверием спрашивает Бочкин.

— Вы что, не видите? — скульптор вроде бы даже обиделся.

— А в каких годах?

— Неразборчиво... — пытается приглядеться Коровин.

— Невозможно себе представить,— качает головой Андронов,— как это могло сохраниться?!

— Было под штукатуркой, вот и сохранилось,— поясняет очевидное для себя Бочкин.

— Вчера отвалился кусок и обнажил.— Коровин словно сытого кота поглаживает «исторический» кусок штукатурки.— И ведь что обнажил!

— Теперь со всего света повалят паломники,— уверенно заключил скульптор,— исторические места, они на улице не валяются.

Бочкин сокрушенно покачал головой и посмотрел под крышу:

— Дом-то уж больно неказистый. Прямо не верится, чтоб Толстой...

— А доска? — обиделся Коровин.

— Не мог, что ль, дома получше выбрать?

— А если приспичило? Знаете, бывает... — скульптор зачем-то стал осторожно простукивать стены.

— Знаю... — согласился представитель жэка.— Так, говорите, досочка настоящая, товарищ скульптор?

— Мрамор,— пожал плечами Андронов.

— Тогда да... — Бочкин развел руками.— Сейчас мрамора даже на базе не достать... Ну что ж, придется капитальный делать, товарищи! — В голосе представителя жэка послышалась с трудом скрываема́я официальная часть.— На исторический памятник, думаю, жмотиться не будем...

Бочкин отколупнул кусочек штукатурки на память, кхекнул чему-то сокровенному и отбыл в расположение своего жэка.

— Степан Палыч,— в восторге обнял скульптора Коровин,— ну вы гений! Здорово доску замуровали. Настоящий гений!.. Наконец-то

в нашем доме не будут течь потолки... Зайдемте ко мне, выпьем за успех нашей маленькой хитрости.

— Увы, Сергей Николаич, меня ждет новая работа. Жильцы из шестнадцатого дома заказали мне чугунную доску.

— Чугунную?

— Да. С надписью, что их лифтом пользовался Лермонтов...

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

— Да, товарищи, — хмуро говорит директор, — мы оказались на сегодняшний день в бедственном положении. По графику мы должны были закончить две крыши, а у нас еще и стен нет. А где паркет, спрашивается? Два вагона неизвестно куда ушли. Кто нам теперь паркет даст?.. Теперь еще этот котлован, который забыли вырыть... Нас нынче даже чудо спасти не сможет.

Вдруг дверь в кабинет распахивается.

— Степан Петрович, беда! — На совещание врывается растрепанный Клюев.

— Ну, что там еще?

— Метеостанция передает, что в нашу сторону движется огромной силы циклон. Крыши сносит, заборы ломает, в Бубыреве подъемный кран повалил. Стихийное бедствие, Степан Петрович!

— Стихийное бедствие, говоришь?.. — Директор спокоен на удивление. — Каждое стихийное бедствие можно сделать организованным... Ты, Клюев, беги на метеостанцию, держи меня в курсе...

Клюев убегает. Директор поворачивается к совещанию.

— Будем считать, что у нас появились скрытые возможности.

— Какие еще возможности, о чем вы говорите?

— Могло у нас циклоном две крыши снести?

— Но их же и не было!

— Тем проще снести... Теперь стекла. Листов сто могло побить?
— Это могло.
— А паркет — два вагона — могло раскидать?
— Что, вместе с вагонами?
— А хотя бы!.. Раз ветер такой силы, он может и целый котлован засыпать...
— Которым у нас и не пахло! — обрадовался кто-то из участников совещания.
— Таким образом, эти коррективы помогут нам ликвидировать все наши хвосты. В разумных пределах, естественно. Не переборщить тоже важно.
Вдруг дверь в кабинет снова распахивается. На пороге сияющий Клюев.
— Стороной прошел, Степан Петрович! Циклон-то.
— Как стороной?
— Свернул в соседнюю область!
Стало тихо. Все настороженно смотрели на директора.
— Да, кому-то повезло. — Степан Петрович достал сигарету. — А ведь меня приглашали в соседнюю область работать...
— Да что вы, Степан Петрович, — замахал руками Клюев. — Хватит с них стихийного бедствия...

СТОПРОЦЕНТНОЕ АЛИБИ

В служебной комнате заседает комиссия из нескольких человек.
— Я думаю, дальше мы так ничего не выясним, — говорит председатель комиссии. — Кого бы мы ни спросили насчет опозданий, прогулов, у каждого найдутся убедительные оправдания. Я предлагаю пойти от противного.
— То есть?
— Пригласите следующего... Только попрошу мне не мешать. В комнату вошел инженер лет тридцати.
— Ваша фамилия? — резко спросил председатель.
— П-пронин, — инженер немного оторопел.
Председатель встал из-за стола и стал медленно кружить вокруг инженера:
— Мы проводим следствие. По одному очень важному делу. Скажу вам по секрету, подозреваются все. И вы в том числе.
— Я? — Пронин заволновался. — А в чем меня обвиняют?
— Скажите, что вы делали вчера на территории завода?
— Тут, видимо, какое-то недоразумение! — Пронин отпрянул. — Я могу доказать. У меня весь день, понимаете, расписан. Меня, может, вообще на территории завода... отсутствовало.
— Чем докажете?

Пронин порылся в карманах:

— Вот билет в кино. Случайно сохранился... Начало как раз в три. Члены комиссии переглянулись.

— Алиби!— тихо сказал кто-то.

— Точно, алиби,— подхватил Пронин.— А до этого я тут за углом в магазине был. Вот и чек с указанием времени. Я еще за деньгами домой ездил.

Члены комиссии разом почесали в затылках.

— Но на чеке время — двенадцать тридцать,— сказал председатель,— а что вы делали раньше?

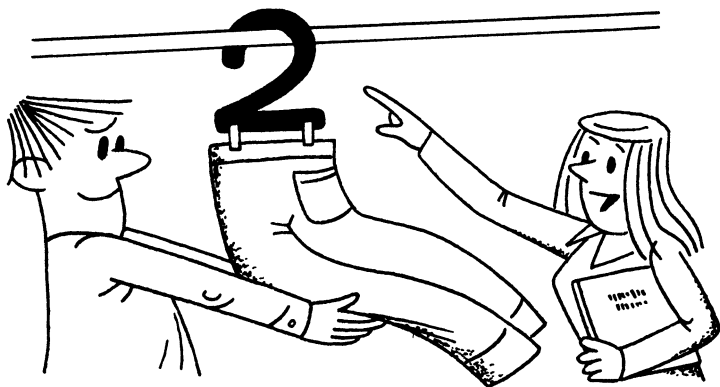
— А утром заседание было.

— Служебное?

— Нет, на месткоме вопрос о дисциплине обсуждался. Моя фамилия в протоколе есть. И свидетели имеются. Вместе голосовали.

— Алиби!— опять сказал кто-то из членов комиссии.

— Вот именно!— Пронин явно повеселел.— Да у меня каждый день так! А если всех наших в чем-то подозреваете, то скажу вам: напрасно! У нас весь коллектив в течение рабочего дня на месте не застать. Считайте, что у всех алиби!

— Кто там пришел?— поинтересовался отец, лежа на диване с газетой.

— Вставай,— из прихожей высунулась жена,— учительница... Отец закричал и встал:

— Даже дома покоя нет... Зови.

В комнату вошла молоденькая, скромно одетая учительница.

— Проходите, садитесь...

— Я ждала вас на родительском собрании, но вы не пришли,— учительница начала довольно ядовито.— Извините, вынуждена сама...

— Да что вы извиняетесь? К нам народу много приходит. Если что нужно, сразу идут. Вам-то что потребовалось?

— Мне?— удивилась учительница.— Я по поводу вашего ребенка. Сына.

— Ребенок-то вам зачем? Ребенок по нашим временам — не дефицит. Вы уж не стесняйтесь, так сказать, пользуйтесь случаем, говорите, что надо.

— Я вас не понимаю,— гордо подняла голову учительница.

— А я вас. Что мы играем в кошки-мышки? Выкладывайте, что там у вас?

— У меня? Это у вашего сына будет двойка в четверти.

— Ага. Вот теперь понимаю... И что я должен вам устроить, чтобы этой двойки не было?

— Мы с вами говорим на разных языках... Двойка! Вы это понимаете? По математике!.. И вполне возможно, еще и по физике.

— Ага. Значит, уже две. Вот это уже деловой разговор. У вас хорошая хватка... — Отец задумался на мгновение. — Джинсы вас интересуют?

— Меня интересует ваш сын.

— Так. Значит, джинсы вам не нужны... А кожаное пальто, воротник из лапы?

— Вы странный человек... Я говорю о сыне, о вашем сыне, а вы мне про какое-то кожаное пальто.

— Какое-то? Вон как вы к этому относитесь?.. Вы крепкая штучка, тертая девушка... Хорошо, дубленка! Только ваш размер будет очень трудно подобрать.

— Да что мы торгуемся, как на базаре?.. «Размер подобрать трудно»... А судьба ребенка, я вижу, вас и не интересует?

— Не подумайте, что я хочу вам польстить, но я впервые встречаю такого человека, как вы. Как легко вы меня раскусили... «Размер, трудно»... Действительно, я хотел немного набить себе цену. А вы? «Судьба ребенка!..» Судьба ребенка — это блестяще. И держитесь как! И ни копейки не уступаете!

— Какая копейка? О чем вы?

— Простите, умоляю... Как можно вам — о копейках? О дубленках, джинсах, прочей ерунде?.. Жена! — крикнул отец, и жена тут же возникла перед ним.

Он быстро стянул с ее пальца золотое кольцо с бриллиантом, взвесил его на руке и положил на стол перед учительницей.

— Я вас правильно понял? Это вам.

Учительница вздохнула и полезла в сумочку, откуда достала смятую трешку, рубль и еще рубль. Неумело взвесила все это в руке:

— А это вам! Если вы другого языка не понимаете... Это вам, чтобы вы подтянули вашего сына по математике.

Вдруг открылась дверь в комнате сына. Оттуда высунулся молодой балбес:

— А по физике?..

МИР ТЕСЕН

В купе вагона сидели две женщины. Как только поезд тронулся, одна из женщин сразу погрузилась в чтение. Другая, наоборот, стала пристально рассматривать свою попутчицу.

— Простите, я вас нигде не могла видеть?

Первая женщина оторвала глаза от книги:

— Могли, конечно. А в чем дело?

— У меня такое впечатление, что мы с вами где-то встречались.

— Вы знаете, у меня хорошая зрительная память. Я вас вижу первый раз в жизни.

— Может, у кого-нибудь в гостях? Может, у нас есть общие друзья? Общие знакомые?

Женщина с книгой недовольно морщится:

— А почему вы решили, что у нас с вами должно быть что-то общее?

— Ну как же... А сапожки?— Женщина без книги стрельнула вниз по сапогам, которые действительно были похожи, как две капли воды.

— Их можно достать в любом магазине,— холодно отрезала женщина с книгой.

— Не скажите... В любом нельзя. Вы, к примеру, в каком доставали?

— Я не в магазине... Мне принесли домой.

— А кто принес, если не секрет?

— Это что, вопрос?— вспыхнула женщина с книгой.

— Нет, просто интересно... Случайно, не мужчина?

— Мужчина.

— Такой высокий, кудрявый, нос с горбинкой?

— Нет. Маленький, лысый и нос картошкой.

— Ну надо, какая досада!— разочарованно покачала головой женщина без книги.— И все-таки у меня такое впечатление, что мы с вами где-то встречались. У меня тоже хорошая зрительная память... У нас вон и сумки, как две капли воды.

— Это еще ничего не значит.

— И пальто.

— Случайность.

— И платья!

— Совпадение.

— Слишком много совпадений для людей, которые первый раз видят друг друга... Послушайте!— вдруг подпрыгивает женщина без книги.— А где вы доставали шапку?

— В магазине. Вот это уж точно — в магазине.

— С какого хода? С черного?

— Со служебного.

— Вам ее выносили в газетке под видом селедки?!— победоносно бросает женщина без книги.

— Да,— женщина с книгой смутно припоминает,— а вам, насколько я помню, в ведре с опилками...

— Ну! Вспомнили? Мы же «свои»! Все через служебный вход, все в виде исключения... Да у нас с вами все общее! Записки общие, телефоны общие. Вы сверху-то сколько давали?

— Как всегда — двадцатку.

— Двадцатку?— поблелела женщина без книги.— Мошенники, жулики, проходимцы! Вы знаете, сколько они с меня сдирают? Пятьдесят!

— Ну вот, — усмехнулась женщина с книгой. — А говорите, общее. Нет у нас с вами ничего общего.

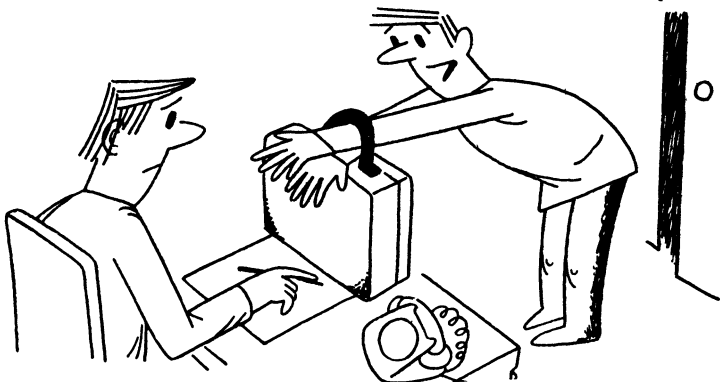
КАМУФЛЯЖ

В кабинет следователя заглянул довольно поношенный гражданин с фибровым чемоданчиком в руках:

— Простите, я с повинной. Можно войти?

— Да, да, проходите, садитесь, — ответил следователь, отрываясь от своих текущих дел.

— Я с чистосердечным признанием, я постою. — Гражданин тяжело вздохнул. — Я пришел выложить вам все карты... Вы думаете, я скромный, незаметный? Вы ошибаетесь. У меня все замаскировано,

все камуфляж. Видите этот невидный, поношенный костюмчик? Это тонкая английская кожа, вывернутая наизнанку, подкладкой навверх. Костюм жутко дорогой, но выглядит пшиком.

— Я что-то не совсем понимаю, — нахмурился следователь.

— Еще поймете... — Гражданин подошел к окну. — Видите внизу мой драндулет?

— «Запорожец»?

— Увы, но с мотором от «мерседеса», с креслами от «кадиллака».

— Зачем?

— И это еще не все. Дома у меня три шубы «норка под кролик».

— Может, «кролик под норку»?

— Меня недооцениваете. Что я, врать сюда пришел? Я пришел чистосердечно признаваться... Шубы самые что ни на есть норковые, но имеют вид кроличьих. Иначе же нельзя. Кто поверит, что я на мою

мизерную зарплату могу приобрести три норковые шубы?.. Ну что, я вас заинтересовал?

— Заинтересовали,— ответил следователь,— а вы садитесь, пожалуйста.

— Я с чистосердечным признанием, я постою,— отказался гражданин и повернулся к графину.— Позвольте глоточек водички, а то в горле пересохло. Первый раз с повинной-то...

Он выпил воду из стакана и продолжал:

— Дача у меня никудышная. Развалюха.

— Тоже камуфляж?

— Верно. Настоящая-то дача у меня в сарае, бывшем коровнике. Вот где мрамор, хрусталь, ковры... Но снаружи — коровник коровником. Догадаться абсолютно невозможно.

— Но откуда у вас все это?

Гражданин торжественно поставил на стол свой чемоданчик.

— Здесь приходно-расходные книги, квитанции, накладные, короче — все... Притом учтите, все сходится тютельница в тютельку. Печати, подписи — самые настоящие, но все это — липа! Я вам подробно покажу, как этот клубок размотать.

— Вы не можете подождать секундочку? — Следователь хотел навести кое-какие справки по телефону.

— Нет, нет, я очень тороплюсь,— остановил его руку возле самого телефона гражданин с чемоданчиком.

— Вот как? — Следователь почти изумился.— Любопытно узнать, куда вы так торопитесь?

— Видите ли...— замялся гражданин.— Там у меня на квартире в Лебяжьем переулке... м-м... человек от вас обещал прийти... С обыском. Но вы запишите, что я первый пришел. И сам. С чистосердечным... Где тут у вас регистрируются?

Следователь улыбнулся и все-таки снял трубку.

— Петухов, в Лебяжий переулок посылали людей?

Затем положил трубку и посочувствовал:

— Тут какая-то ошибка. Наши люди все на месте. Вас, наверно, разыграли... Может, кто из сослуживцев подшутил?

Гражданин восторженно. Он понял, что попал в весьма щекотливое положение. Глаза его засуетились, он снял чемоданчик со стола:

— Б-будем считать, что я тоже пошутил...

Он оглянулся в сторону двери:

— Н-ну, я пошел?..

— Садитесь,— строго сказал следователь и поднялся из-за стола.

— Но я с чистосердечным признанием, я постою! — с отчаянием крикнул гражданин.

Следователь многообещающе усмехнулся:

— Признание признанием, а посидеть придется...

В кухне сидел за столом Кузявин с газетой и заканчивал трапезу. Из передней послышался звонок, а затем до ушей Кузявина донесся неразборчивый разговор.

«Принесло кого-то», — с неприязнью подумал Кузявин, и в этот момент дверь на кухню отворилась.

— Проходите, — сказала жена и пропустила на кухню мужчину с потрепанным портфельчиком. — К тебе... — И ушла по своим хозяйским делам.

— Добрый день, я насчет страхования, — напористо заявил мужчина, — не желаете застраховаться? Имущество, недвижимость, ценности.

— Ну, какие у меня ценности, ей-богу? — Кузявин тускло окинул взглядом кухню.

— Ваша жизнь, — со значением сказал агент.

— Тоже мне ценность — сто сорок рублей без прогрессивки.

— Жизнь вашей жены...

— Ой, не смешите меня, ценность... Она же домашняя хозяйка.

— Папаша, — агент поднял вверх палец, — вы еще не знаете истинной ценности вашей жены.

— Это в каком же смысле?

Агент ловко достал из портфельчика счета и растрепанную книжечку с надписью «Расценки».

— Давайте посчитаем, почему нынче ваша супруга выходит, извините, на круг... Вот расценка бытовых услуг. Читаем. Приобретение и доставка покупок на дом — 70 копеек в час. Сколько ваша жена за день в очередях, простите, отдыхает? Часика четыре набегит? Два

восемьдесят. Множим на тридцать дней — 84 рублика, как одна копеечка.

— Смотри-ка, — удивился Кузявин.

Агент оглядел кухню и остановился на веревке с бельем.

— Пеленочки, вижу, сушатся — стало быть, есть детвора. Ребеночка погулять часиков пять надо? Учтите, по 70 копеек в час. Фирменная цена фирмы «Заря». Три с полтиной, как отдай! Множим на тридцать дней — 105 карбованцев вынь да положь.

Кузявин только покачал головой.

— Рубашечка, вижу, на вас чистая, крахмальная, брючки глаженные. Каждый день меняете?

Кузявин кивнул.

— Стало быть... — агент защелкал на счетах, — не меньше десятки за одни рубашечки. Теперь... Пол, гляжу, у вас чистый, натертый. Сколько метров в квартире-то?

— Тридцать, — почему-то хрипло ответил Кузявин.

— По восемнадцати копеек за метр — пять с полтиной. Уборка. Надо полагать, по субботам. Итого, 22 рублика, как миленькие... Теперь отужинали, стало быть, — агент приоткрыл крышку кастрюли, — борщ, чую, украинский. В ресторане за такой платят по 86 копеек за порцию да еще на чай дают... — агент заглянул в сковородку, — котлета со сложным гарниром, надо думать... Рубль пять... И на десерт, как полагается...

— Компот, — прошептал Кузявин.

Агент быстро защелкал костяшками счетов.

— Завтрак, надеюсь, съедаете сами? — Щелк-щелк. — Обед делите с другом? — Щелк-щелк. — Ужин хотели бы отдать врагу, но врагов у вас, вижу, нет... Итого, только по перечисленным видам услуг стоимость вашей жены в месяц — 500 рублей с гаком.

— Пятьсот рублей? — ахнул Кузявин и недоверчиво покосился на расчеты. — Это же в год... — он схватил счета и защелкал сам, — шесть тысяч. Машина!

Кузявин зажмурился от удовольствия, потом открыл глаза и произнес мечтательно:

— Машину, что ли, застраховать?

— Какую машину? — Агент обиженно потряс счетами. — Это же ваша жена!

Кузявин взволнованно заходил по кухне, разговаривая с собой, жестикулируя и прикидывая что-то на пальцах:

— Господи, жена как жена, ничего особенного, а гляди ты, какая ценность! Кто мог подумать? С ума сойти.

Тем временем агент тихо выскользнул в коридор.

— Ну, что там? — с интересом спросила жена.

— По-моему, — подмигнул агент, — теперь он или вам шубу подарит или я выставлю его на страховку...

В проеме двери показался бледный Кузявин. Он быстро подошел к жене, оглядел ее всю, будто увидал впервые, затем припал на колено и протянул к ней руки:

— Сокровище мое!..

СИДОРОВ Н. П., 32 лет...

В месткоме распределяли билеты в театр, и жена Сидорова отхватила два прямо на сегодня.

Сидоров сначала идти не хотел — не любил он этих театров. Представляют там каких-то несерьезных испанцев с перьями, плетут какие-то интриги стихами... Уж лучше по телевизору «Кругом 16» глядеть. Тоже ерунда, но привычная.

Согласился пойти только ради жены. Лида себе платье кримпленовое справила, и ей не терпелось обкатать его на публике.

В театр пришли тик в тик. Успели только программку купить и, не заходя в буфет, вынуждены были сесть в ложу бенуара.

Пока Лида искала глазами знакомых с завода, Сидоров от нечего делать раскрыл программку.

Пьеса называлась «Слесарный цех» и была, наверно, насчет производства.

Сидоров сам был слесарем, поэтому снисходительно усмехнулся: «Ну-ну, чего они тут про наше дело насочиняли? Небось напильника от рапили отличить не могут, а туда же...»

Ниже шли действующие лица, и тут Сидоров, к своему удивлению, среди действующих лиц обнаружил себя — Сидорова Николая Павловича, тридцати двух лет, в исполнении артиста Почкина Л. С.

Хотел было посмеяться такому совпадению, но свет в зале погас, а на сцене, наоборот, зажегся...

И тут — даже Лида, почуял, вздрогнула — на сцену вышел артист Почкин Л. С., точная копия сидевшего рядом с ней ее родного мужа Сидорова Н. П.

Лида про Почкина ничего не знала, программки не читала, поэтому тихо ойкнула:

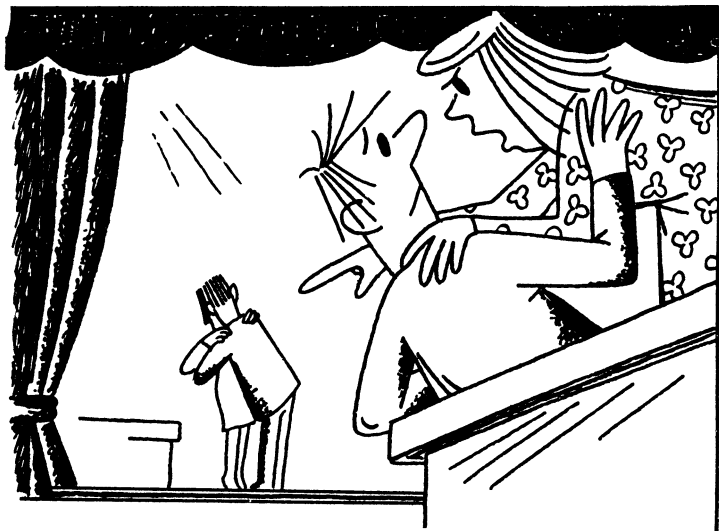
— Ко-оль...

— Тихо. Дай поглядеть, — осадил ее Коля и, сдвинув брови, стал смотреть на сцену.

А на сцене тем временем Сидоров Н. П., тридцати двух лет, ругался с мастером насчет заготовок.

«Точно, вчера с Михеичем поцапались, — отметил про себя Сидоров, — гляди, пронюхали уже...»

Потом театральный Сидоров стал нахально ловеласничать с технологом Кудрявцевой:

— А у меня для вас сюрприз, Зочка. Совершенно случайно достал два билета в кино...

Настоящий Сидоров тут же вспотел: «Чертовщина какая-то. Мы же с Зойкой без свидетелей разговаривали...»

Зоя на сцене хихикнула:

— Какое кино? Какое еще кино-то? Твоя сегодня в местке два билета в театр вырвала.

— А я скажу ей, что не люблю этих театров...

— Любишь, не любишь, а пойти придется. Ей же надо своим платьем кримпленовым похвастаться...

Лида быстро скосила на Сидорова глаза. Коля весь покрылся холодным потом и начал потихоньку выделять адреналин. Он знал, что будет дальше...

И театральный Сидоров тоже знал. Он вдруг привычно взял технолога Кудрявцеву за талию, притянул к себе и прошептал со скрытым смыслом:

— Ладно, отложим кино до завтра...

Лида в ложе совсем развернулась в его сторону и стала пристально рассматривать мужа, будто увидела впервые.

— Ты чего? — буркнул Коля.

— Значит, до завтра?..

— Так это ж театр,— хотел было хмыкнуть Сидоров, но не сумел.
— Я те покажу театр. Дома!

Тем временем на сцене появились другие действующие лица, стали производить производственную летучку, но Сидоров на сцену уже не глядел. Он как-то вдруг стал понимать мышей, попадающих в мышеловку... «Вот холера. И откуда только вызнали все?» Еле дождался антракта.

— Пойду,— глухо сказал Лиде.

— Куда это? — ехидно прищутив глаза, спросила жена.

— За кулисы... Похабщину всякую показывают. Лучше бы про испанцев... Я им шас устрою.

За кулисами он сразу наткнулся на артиста Почкина Л. С., разговаривавшего с каким-то человеком.

— Извините,— сказал он человеку и перенес тяжелый взгляд на Почкина.— Играете, да?.. Доиграетесь!

Почкин с удивлением посмотрел на Сидорова и стал на всякий случай торопливо гасить сигарету:

— А что такое?

— Почему вы играете на сцене про меня? Кто дал вам такое право и откуда у вас такие сведения?

— Какие сведения? Я ничего не понимаю.

В разговор вмешался человек, с которым стоял Почкин.

— Простите, я автор пьесы... Вы что, узнали на сцене свою жизнь?

— Хм, узнал...— дернул головой Сидоров.— Показывают бухгалтерно интимные секреты и еще спрашивают, узнал или нет! Я спрашиваю, откуда у вас эти сведения?

Тут только автор обратил внимание на сходство Сидорова с артистом Почкиным.

— О!.. Выходит, что Леня играл сегодня на сцене вас?! Так вот почему... Простите, как вас зовут?

— Сидоров Николай Павлович, тридцати двух лет.

— Наваждение какое-то,— ахнул артист Почкин.

— Вот вам, Леня, прототип своей персоной,— автор церемонно представил Колю Почкину,— а вы говорили, что таких не бывает...

— Кто прототип, кто прототип? — стал заводится Сидоров.— Я требую, чтобы вы прекратили спектакль.

— Как вы не хотите понять,— стал горячиться в ответ автор,— если вы узнали в пьесе себя, это значит, нам удалось достичь правды жизни, узнаваемости, достоверности...

— Я требую прекращения спектакля,— упрямо повторил Сидоров.

— Почему?

— Я в театре с женой, а вы показываете черт знает что... Мои двусмысленные взаимоотношения с технологом Кудрявцевой.

— Но они существуют, эти взаимоотношения?

— Именно поэтому я требую занавеса... Я там во втором действии

вообще с Зойкой целоваться начинаю. В подсобном помещении. В рабочее время...

— Ничего подобного,— возразил Почкин,— в пьесе этого нет.

— Как нет, когда я сам, вот этими губами с ней целовался,— вспыхнул Коля.

— Да? — Округлил глаза автор.

— Вы этого не знали? — скривился в саркастической ухмылке Сидоров. — Жизни вы, товарищ автор, не знаете. А беретесь писать. Да еще о правде жизни...

Когда Сидоров вернулся в ложу бенуара, уже начиналось второе действие. Артист Почкин на сцене вовсю целовался с технологом Кудрявцевой. Лида зловеще поглядывала в сторону мужа.

Дома после спектакля явно намечался разбор пьесы.

ДВОИНАЯ ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Коля Сидоров с годами очень разочаровался в своей жене Лиде.

— Все ей не так, получаю мало, дружки у меня, культурки, вишь, не хватает, а ведь забывает при этом, что и сама-то не подарок. Ох, не подарок!

И вот однажды после показа по телевидению всемирно известной кинокомедии «Ирония судьбы» пришла в голову Коле Сидорову идея. Даже не идея, а так, мысль... А что, если где-то в Ленинграде имеется точно такая же улица Молодежная, дом 3, квартира 8, как и у него, и живет там душевная женщина, у которой может быть «все так», которая не станет попрекать насчет получки, культурки и прочего досуга... Эх, ну почему киноартистам любая романтика по плечу, а нам, простым,— не по зубам, что ли?..

Взял Коля Сидоров билет на самолет и, Лиде слова не говоря, махнул в Ленинград.

Поискал там улицу Молодежную — нашел. Дом, квартиру отыскал — все совпало, как в кино! Ключ к двери не подошел — не беда, не всегда же жизнь совпадает с искусством. Позвонил, не барин.

Дверь открыла миловидная испуганная женщина. Ну точно такая, как ожидал: губы, ресницы — все на месте.

Вошел Коля Сидоров в помещение, сердце тает, морда сияет, а сам паспорт протягивает. Вот, мол, какая бывает судьбы ирония. у меня тоже в Москве улица Молодежная, дом 3, квартира 8, будем знакомы, Коля...

— Проходите.

А женщина вроде не рада — кинофильма, что ли, не видела? Коля прошел, огляделся:

— Все, как у нас в Москве... Мусоропровод есть?

— Есть.

— Ну надо!.. Шкаф — ну такой же, телевизор... А вот люстра другая. Немецкая?

— Чешская.

— Чешскую не достал, — вздохнул Коля и спросил сдержанно: — Одна живете?

— С мужем.

— К-как с мужем? — Вот этого Сидоров явно не ожидал. — Ипполит, что ли?

— Нет, Федя. Вы знаете, он у меня очень ревнивый и должен с минуты на минуту прийти...

И тут — зззз — точно, звонок в дверях раздался. А от этого звонка всю Колину романтику в один миг сдуло. Вдруг откуда невеста паника — ноги ватные, лицо бледное — сгоряча под диван-кровать сунулся. Не влез — щель узкая — и в шкаф!

— Стойте, куда вы? — Женщина нервничает. — Еще хуже будет!

А муж, видно, от задержки перед закрытой дверью накаляется, свой личный ключ отыскивает и врывается в жилище в зверском состоянии.

И как назло в этот же момент Коля навстречу ему из шкафа вываливается и поневоле оживленно приветствует хозяина:

— Здравствуйте.

Федя в шоке:

— З-здравствуйте.

А Коля уже снова свой паспорт протягивает:

— Ну надо!.. Не поверите, чистая судьбы ирония!.. Я сам из Москвы буду, с улицы Молодежной, дом 3, квартира 8. Будем знакомы.

Хозяин кино вроде вспомнил, но спросил с подозрением:

— В бане выпил, что ли?

— Да нет, при чем тут баня?

— А что ж приехал тогда?

— А что, к вам в Ленинград только мытому приехать можно?

— А ну, дыхни...

Коля с удовольствием дыхнул.

— Ты же трезвый,— оскорбился вдруг хозяин.

— А у меня с собой,— успокоил его Коля.

Федя внимательно изучил бутылку — «Московский розлив» — и, кажется, поверил бутылочной этикетке больше, чем паспорту.

И вот новые знакомые садятся к столу, засаживают по мензурке, настроение у них резко улучшается, последние барьеры недоверия и подозрительности растоплены, и все сразу становится, как везде, — что в Москве, что в Ленинграде.

— Эх, брат Коля,— начинает плакаться хозяин Федя,— очень я разочаровался с годами в своей жене Свете. И все-то ей не так, и получаю мало, и дружки у меня, и культурки не хватает, а ведь забывает при этом, что и сама-то не подарок...

— Ох, не подарок,— вторит ему Коля и критически оглядывает хмурую женщину за столом...

Уезжая из Ленинграда поездом, Коля подумал на вокзале: хорошо все-таки, что съездил, душевные люди живут в городе на Неве, правда, иронии не получился, но посидели хорошо...

Утречком позвонил Коля в дверь своей квартиры. Раз позвонил, два... Обиделась Лидка-то. Целый день неизвестно где гудел. Придется своим ключом...

Открыл — и ахнул! В комнате у Лиды — мужик! В один миг вскипела кровь молодецкая... Но тут Лидуха в своем кримпленовом платье наперерез выскочила.

— Познакомьтесь,— говорит мужику,— это мой муж Коля, а это товарищ из Киева... Ты не поверишь, Коля, у товарища в Киеве точно такой адрес, как и у нас,— Молодежная улица, дом 3, квартира 8... Представляешь, какая ирония судьбы!

— Да, ирония... — хмуро согласился Сидоров и спросил у киевлянина: — Разочаровался с годами?

Киевлянин радостно кивнул и тут же полез за горилкой «киевского розлива».

ДЕЗЕРТИРСКАЯ МОРДА

Летом Колю Сидорова послали от завкома на сенокос. В помощь подшефному колхозу.

Никто не спросил, конечно, держал ли Сидоров когда-нибудь в руках косу, держал или вилы, а Сидоров, в том-то и дело, их не держал никогда.

А тут еще шлифовщик Штукин, который часто посещал Третьяковку и видел на картинах, как надо косить, схватил незнакомый сельскохозяйственный инструмент и принялся махать им, словно умеет, но очень быстро затупил его, а затем и сломал к чертовой матери, вызвав нездоровый издевательский смех колхозников и их детей особенно.

Коля не любил быть объектом насмешек, и пример Штукина его чрезвычайно огорчил. Всю ночь он промучился в поисках ответа на вопрос: «Что делать?», а рано утром, взяв одно только вафельное полотенце, пошел на речку купаться и... пропал без вести.

Может, он и не собирался пропадать окончательно, но так вышло. Обстоятельства сыграли...

Делегация косарей-слесарей всполошилась: утонул ли, заблудился, или волки скушали?.. Искали три дня — ни полотенца, ни костей не нашли.

А однажды ночью в дверь квартиры Сидоровых кто-то позвонил. Лида глянула в глазок и обмерла.

— Коля! — рывком отворила дверь. — Раздели?

— Сам, — глухо бросил муж и прошел на свою жилплощадь. Ужасная догадка посетила голову Лиды.

— Сбежал?

Коля молча кивнул.

А Лиде сразу стало его жалко.

— Замерз, поди... Я тебе щас ванную сготовлю.

— Лучше водки,— устало бросил заросший щетиной муж.

После ванной, водки, борща и других удовольствий Коля заснул сном праведника.

Однако утром в двери квартиры Сидоровых постучали. Постучали требовательно и ядовито.

— Кто там? — жеманно спросила Лида.

— Сидоров Николай здесь живет?

Коля сразу заметался по квартире. Под кровать, в шкаф, на балкон, в чемодан — найдут всюду. С разбега запрыгнул на антресоли и заставился ящиком с елочными игрушками.

Лида, зевая и потягиваясь, отворила дверь:

— Ой, а я непричесанная... Извините.

— Николай дома? — Вперед вылез шлифовщик Штукин.

— Николай? Так он же на сенокосе.

— Пропал он с сенокоса.

— Как пропал?

— Так пропал. Или утонул, или заблудился, или волки скушали.

— Или дезертировал,— зло добавил начальник цеха Кудрявцев.— Квартиру можно осмотреть?

— Осмотреть можно,— такой тон задел Лиду за живое, и она сразу почувствовала себя, словно на базаре,— а дезертиром своего мужа обзывать не позволю. Как на сверхурочные оставаться, так он вам не дезертир, как по два плана гнать, так он вам не дезертир, а тут нате сразу — сбежал, сдезертировал...

— Нет, ну почему, может, и не сбежал,— Кудрявцев не выдержал базарного напора и пошел на попятную,— может, и волки скушали...

В общем, пришлось делегации принести Лиде Сидоровой глубокие соболезнования в связи с утратой кормильца и мужа. Ну, понятно, после осмотра квартиры...

Три дня скрывался Коля Сидоров на антресолях, спускаясь только на завтрак, обед и ужин и по другим нуждам.

— Ишь, дезертиром попрекают,— ворчала тем временем внизу Лида,— а их, что ль, нету больше нигде?.. Только что не сбегает с работы окончательно, а отлынивают помаленьку. Перекуры там, нагрузки разные. Вроде при деле, а без дела. Ты вот тоже зря сбежал. Мог бы и там ничего не делать. Эй, слышишь там?

— Слышу,— вяло отзывался Коля с пролежнями на боках.

— Хотя сбежал — тоже ничего. Я за тебя уж и материальную помощь получила.

— Какую еще помощь? — Коля рванул свою голову вверх и тут же треснулся ею о потолок.

— По утрате кормильца... Ты ж у меня утрачен? Утрачен. А я эту материальную помощь в два счета израсходую. Я уж себе парик черный траурный приглядела.

— А че траурный?

— По тебе ж траур, Коля. Иль забыл?

— Не трави, Лидуха. Принесла бы лучше пивка... Эх, жизнь! Ни телевизора глянуть, ни в домино... Зря в этом году на газету не подписался.

— Схватился.

— В другой раз умнее буду.

— Ты уж теперь никогда умней не будешь, Коля.

— Это почему же?

— Тебя ж волки скушали...

Однако во вторник, в день получки, мягкое сердце Лиды не выдержало.

— А ну, слезай с антресолей, паразит... Другие мужики зарплату домой несут, а этот пролежни себе натирает. Слезай, дезертирская морда!

— Куда ж я теперь? — растерялся Коля.

— А мне какое!.. Сумел с поля брани удрать, сумей перед товарищами и ответ держать.

Сам не свой слез с антресолей Николай Сидоров. Присел пару раз, чтоб размяться, оделся и пошел натошак в вечернюю смену. Лида наотрез отказалась кормить дармоеда.

А Коля шел на завод и — то бледнея, то краснея — представлял себе сцену объяснения с трудовым коллективом.

— Сидоров! — ахнул мастер Михеич. — Откудова ты взялся? Тебя ж волки скушали.

— Тихо, — приложил Коля указательный палец к губам, — только чтоб Лида не знала...

И через минуту уже рассказывал по секрету, что все это время провел у любовницы... Артистка, красавица, лауреат, стихи пишет, по телевизору каждый день, кто да кто, сами догадайтесь, а так не скажу, слово чести, не могу, ребятки, благородство не позволяет...

Начальник цеха Кудрявцев хотел было сначала не поверить и открутить Сидорову голову, но всеобщее сочувствие к человеку, потерявшему от любви рассудок, позволило ограничиться на первый случай постановкой на вид без всякого занесения...

Но когда слухи о любовнице дошли до Лиды, Сидоров очень и очень пожалел о своей буйной фантазии.

СВЕТЛАЯ ПОЛОСА ЖИЗНИ

У Коли Сидорова почил в бозе дальний родственник. Иными словами, отдал концы. Хотя и не все. Один конец не отдал — завещание, вишь ли ты, оставил.

Завещание в наши времена — вещь немодная. Что мы, без наследства не проживем, что ли? Получаем, слава богу, неплохо, премии бывают, то да се, так что не нуждаемся.

Но если уж завещаньице какое подвернется — не откажемся. Семейный бюджет со всем нашим удовольствием только спасибо скажет...

Вот, значит, вечером сидит Коля во дворе дома и в домино наслаждается. Тут на четвертом этаже открывается форточка, жена Лида в седом парике поверх бигудей высовывается и на весь двор возвещает:

— Сидоров! Тут на твое имя завещание пришло.

— Кое еще завещание? — буркает Коля, отрубая длинный конец Михеичу.

— Наследство тебе, дурень... Чеши домой, зачитывать будем...

Стали зачитывать. Дальний родственник (тоже, надо сказать, Сидоров) завещает, мол, все свое состояние своему единственному наследнику Сидорову Николаю.

— Что за состояние-то? — У Коли сразу ушки на макушке.

Он уже начинает живо прикидывать, сколько же это дармовых денег приваливает ему и кого из дружков-товарищей пригласит он, чтобы обмыть шальное богатство.

— Состояние-то... — занудно тянет Лида, отыскивая в бумаге нужный параграф, — дак вот книги...

— Книги... — оскорбляется Коля, — черта мне в этих книгах! И кто, интересно, их сегодня читает, когда кругом телевизоры?

— Уж читают... — ехидничает Лида. — Находятся такие, не чета тебе.

— А сколько килограммов, не указано? — быстро соображает Николай. — В макулатуру сдать — деньги дадут да еще «Королеву Марго» тебе купим.

— Ну-ну, сразу в макулатуру, — осадила Колю супруга, — надо сперва со знакомыми людьми посоветоваться.

После того как были соблюдены все формальности по оформлению наследства, Сидоровы пригласили для консультации Лауру Цаликову.

— Я всегда в курсе всего! — говорила Лаура, раздеваясь в передней. — Вы что хотите загнать — косметику, шмотки, самовар?

— Как, разве можно и самовар? — крайне удивился Коля.

— Мальчик... — дала Коле оценку Лаура. — Сейчас самовары идут почти как джинсы... Так что у вас?

— У нас книги, — покраснела Лида.

— Чего? — не поняла Лаура.

— Да нет, не наши... — Лида покраснела еще больше.

— Импортные?

— Я получил наследство, — немного торжественно произнес Коля, — множество различных книг.

— А чё ж про самовар спрашивал? — Лаура потянулась одеваться обратно.

— Мы только спросить, Лаурочка, не обижайся, — с умоляющими нотками в голосе бросилась ей вслед Лида. — В макулатуру сдать или в букинистический?

— Девочка... — оскорбительно бросила Лиде в глаза подруга. — Кто же сегодня тащит книги в букинистический? Только на толчок!

Коля грубо хихикнул. Некоторые слова он не мог понимать в переносном смысле.

— Ничего смешного, мальчик... На толчок — и только по одной книге!

— Почему по одной?

— Потому что с руками оторвут!

На следующий день Лида снарядила Колю на толкучку. Единственную книжку, которую он взял с собой, у него действительно оторвали с руками. И книжка-то, смешно сказать, — Пушкин, первое издание. Будто сейчас лучших изданий нет.

— Видно, у вас большое несчастье, — сочувственно говорили ему, — если вы такие книги продаете...

Книгочеи, книголюбы и прочие библиофилы с горящими глазами допытывались у Сидорова, откуда он раскопал такое чудо, вынюхивали, что у него есть еще, и с робостью приценивались, сколько номиналов он рассчитывает с них сорвать...

Так Коля вернулся домой суперзвездой толкучки. Рассказывал Лиде о таинственных номиналах, о толчее вокруг него, о профессорах и литераторах, которые наперебой приглашали его заходить к ним домой запросто, без церемоний...

— А ну дыхни-ка.— Лида уже слыхала подобные заливы и хорошо знала их происхождение.

Коля слабо дыхнул. Жена растерялась. Водкой тут и не пахло. Тянуло чем-то забытым, почти незнакомым.

— Коньяк, что ли?

— Лавуазье,— радостно подтвердил муж,— французский. Химик такой был, помнишь со школы?.. У профессора дома угощался. В честь книжки.

— Ишь ты...

— Все интересовались, есть ли еще такие книжки,— делился впечатлениями Сидоров,— я говорю: навалом. А какие? — спрашивают. А я говорю: не помню... А он мне: во, темнила, настоящий делец, на большом крючке нас держит... А я и честно не помню.

— Ты бы прочел парочку-троечку для приличия,— предложила жена,— умное словцо вернуть — оно всегда производит...

С этого дня Коля Сидоров пошел нарасхват. Наносил визиты, угощался коньячком и кофе, встречал в умные разговоры. Домой к себе не водил. Во-первых, дома выпить нечего, а во-вторых, Лида... Мужика своего она никогда не ценила. От нее уважения к личности не жди. Да она лучше поперхнется три раза, чем мужа своего по имени-отчеству, как люди, назовет.

Брал Коля ее разок к одному доценту — только сраму хлебнул. Люди о течениях современного духа рассуждают, а она обои щупает. У людей положительный идеал на уме, а ее в санузе от новинки — биде — бульдозером не оторвешь. Вещистка! Яркая представительница проживающей среди нас тихой сапой потребительской прослойки!

Но вот однажды Колина лафа разом кончилась. Загнал он последнюю книжку из полученного наследства и в один момент перестал быть интересным человеком.

Конечно, Сидорову очень хотелось продлить светлую полосу своей жизни, но где люди достают такие интересные книги, он не знал.

Наконец, четырнадцатого в среду он снова спустился во двор и сел за домино.

Через некоторое время форточка на четвертом этаже отворилась, и в ней замаячил седой парик:

— Сидоров, вынеси мусор!

Круг замкнулся.

ШКАФ С СЮРПРИЗОМ

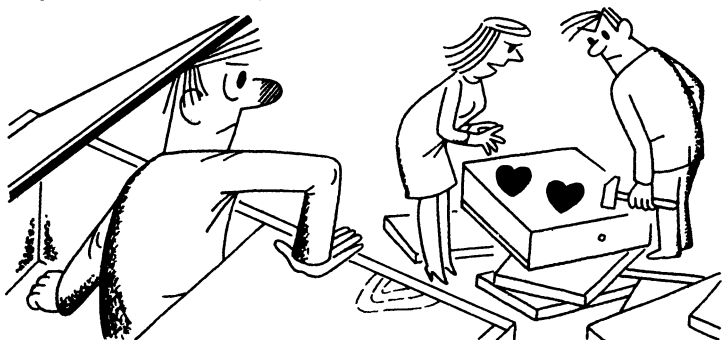
По громадному знакомству, через четыре звонка на пятый, Лида Сидорова достала этот гарнитур. Редкостный гарнитур!

В магазин такие вещи не поступают, так она вырвала его прямо с фабрики.

Очень уж хотелось ей сюрприз мужу сделать, пока он в команди-

ровку ездил. У него деньжата на машину отложены, а этого гарнитурчика он уж никак не ожидает. Приедет — ахнет...

Лида от такого ловкого приобретения вся светилась, как от любви... Пока гарнитур не привезли, звонила несколько раз на фабрику. В производственный отдел — волновалась за выполнение плана, в бухгалтерию — торопила с реализацией готовой продукции, в транспортный цех — интересовалась состоянием грузового парка. Несмотря на это торможение, гарнитур ей привезли всего за час до Колиного возвращения. Но зато прямо с конвейера...

Лида успела установить стенку, стол, кресла, почти все. Оставалось распаковать только шкаф, когда в дверях зазвонил звонок.

Гофрированный картон со шкафа Лида обрывала уже под настойчивые звонки Николая.

— Что так долго не открывала? — взволнованно спросил Сидоров вместо привычного «здравствуй» и, терзаемый ужасными подозрениями, торопливо прошел в комнату.

Не успевшая привести себя в порядок Лида загадочно улыбалась: — Ничего не замечаешь?

Колины глаза шныряли по углам и щелям, но ничего не находили.

— А у меня для тебя сюрприз. — Лида обняла мужа и попыталась закрыть ему ладонями глаза.

Но Коля, повинувшись инстинкту мужа, вернувшегося из командировки, уже тянулся к шкафу... Дернул за дверцу...

В шикарном новеньком полированном шкафу спал мужчина. Лида в ужасе вскрикнула.

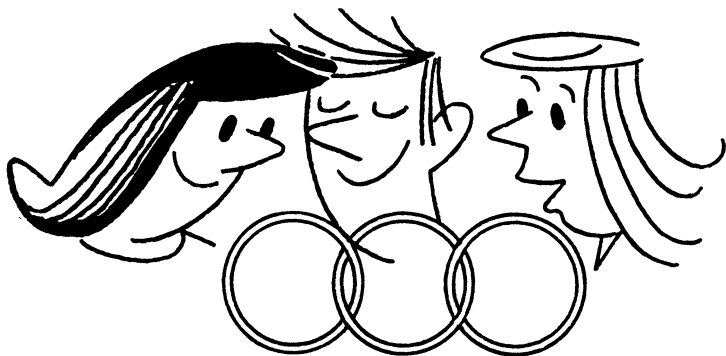
— Кто это и что он здесь делает? — голосом из высокопрочной легированной стали спросил Николай.

— Ума не приложу.

— А ты приложи.

— Он, наверно, пьяный...

— Тебе лучше знать.
— Видишь ли, Коленька...
— Вижу.
— Ты не все видишь...
— Как? Это еще не все? — Коля в бешенстве побежал вдоль стенки, распахивая на ходу створки и заглядывая внутрь.
— Коля!
— Откуда он взялся?
— С фабрики... Наверно, с фабрики... Понятия не имею, откуда...
— С какой еще фабрики? Что ты мелешь?
— Наверно, с мебельной... Я его в первый раз вижу.
— Это я вижу его в первый и последний раз.— Коля решительно поднял с пола молоток.
— Коля! — Лида загородила шкаф своей грудью.— Коля, он не виноват!
— Ну, значит, мне придется убить тебя.
— За что?
— Она еще спрашивает!
— За то, что я достала тебе такой редкостный гарнитур?
— С сюрпризом, так?
— Я не виновата.
— Он не виноват, ты не виновата, один я кругом виноват.
— Ты-то здесь при чем?
— Ах, я здесь при чем?... Я здесь уже третий лишний?.. Да у вас, я вижу, тут целый любовный треугольник собрался!
— Ко-ля! Послушай меня! Этот тип — никто.
— Так не бывает.
— Он с фабрики. Он напился в рабочее время и уснул прямо в шкафу.
— А как он попал в нашу квартиру?
— Я же говорю тебе, я достала гарнитур. Достала прямо с фабрики. По громадному знакомству. Через четыре звонка на пятый.
— А откуда деньги?
— Ну, у нас же были отложены...
— На машину?!
— Коля, успокойся...
Но Коля уже мчался за Лидой, опрокидывая на ходу мебель, только недавно сошедшую с конвейера.
Последним повалился на спину шкаф. От удара в шкафу проснулся и завозился его обитатель. Он высунул голову, посмотрел с недоумением и даже страхом на незнакомое помещение, на упавшую стенку, на двух людей, потиравших шишки на головах, и сказал:
— Который раз одно и то же... Говорю, говорю, нельзя продавать мебель прямо с фабрики. Эта торговля по знакомству до добра не доведет.

— Кого ждем-то? — спросил Сидоров, заметив суету вокруг обеденного стола.

— Лауру помнишь? Замуж выходит, — сияя сообщила Лида.

— У нас в доме, что ли?

— У нас только смотрины.

В этот момент в дверях звякнул звонок.

— Игнатий Семеныч? — Лида расплылась в улыбке у раскрытой двери.

— Кононенко, — кивнул мужчина лет сорока в дубленке и протянул для приветствия руку, — очень приятно познакомиться.

Потом он деловито разделся, привел в порядок внешность, какая осталась, и привычно сел к столу на лучшее место. Коля же при виде водки сразу заволновался и бросился разливать, не дожидаясь Лауры. Гость, не торопясь, оглядел комнату, уделив особое внимание хрустальной посуде и марке телевизора. Затем взял рюмку в руки и сказал просто, без обиняков:

— Хорошо, я возьму вас в жены, но только при одном условии...

Коля поперхнулся водкой. Лида сразу почуяла, что быть беде.

— Игнатий Семеныч, — закокетничала она, — вы торопите события...

— Да, — грузно встал Коля, — точно, торопите... При живом-то муже!

— Простите, разве вы муж? — крайне удивился Кононенко.

— А разве не похож? — еще круче закрутил гайку Коля. — Меня только интересует, что за условие, на котором вы берете замуж мою жену?

— О, — сразу заюлил Кононенко, — видите ли, здесь какая-то

ошибка... Меня женщины не интересуют. Абсолютно! Я профессиональный жених, я заключаю исключительно фиктивные браки.

— Чего? — сощурился Коля.

— Ну, знаете, ради прописки, квартирного обмена...

— Ах ты, мурло! — Сидоров грубо взял профессионала за галстук и выволок в прихожую. — Мою жену — фиктивно?

Первым вылетел из квартиры Игнатий Семеныч, следом полетела дубленка.

— Чтоб духу! — скрипнул зубами Коля. — Убью!

Проходивший за газетами Михеич с восьмого этажа мягко поинтересовался:

— Полюбовников выкидываем?

На что озверевший Коля брезгливо уточнил:

— Фиктивных...

— Понимаем, понимаем, — посочувствовал Михеич, а Лида стала уводить Николая в квартиру, приговаривая: «Коля, Колечка...»

Закрыла дверь и сразу уперла руки в боки:

— Ты что, спятил? Ты зачем его выкинул?

— Чего? Жениха-то? Туда ему и дорога.

— Ох, Отелло, — запричитала Лида, — ох, бестолочь... Мне он жених, что ли?.. Лауре же!

— А чё он к тебе приценялся?

— Спутал! Спутал меня с Лаурой!.. Ой, что же я теперь делать буду? — заголосила Лида со слезой. — Что же я теперь Лаурке-то скажу? Женихи, дурила, на улице не валяются... Она ж нам столько услуг оказала, Коля, она же все может.

— Что все-то?

— Все достать. Косметику, сапоги... Бусы на мне видишь? Она! А парик?.. Она даже машину может.

— Ну да? — насторожился Коля. — Она, что же, работает по этой части?

— Это у нее хобби. Вообще-то она пока учится.

Коля не поверил:

— На волшебника?

— На лесника.

Сидоров нервно хохотнул.

— Ничего смешного. Их через месяц распределяют. По лесам.

— А-а... А она, стало быть, в лес не хочет?

— Она замуж хочет. За кого угодно. Хоть за черта лысого.

Коля мысленно дал себе подзатыльник:

— Что ж ты раньше-то молчала?..

В этот миг в дверях снова закудлыкал звонок.

Коля бросился открывать — на пороге сияла Лаура Цаликова.

— Салют! — бросила невеста и внесла за собой густой букет каких-то дефицитных запахов. — Игнатий уже здесь?

— Видите ли, Лаура,— Коля понес себя в жертву,— вы должны меня простить. Я не знал, кто этот человек, Игнатий. Иными словами, он вынужден был покинуть нас.

— Как покинуть?

— Ну как? По-хорошему. Через дверь-с.

Лаура со стоном опустилаcь на стул.

— Я понимаю, что совершил непоправимую ошибку. Мне Лида все рассказала, но уже после всего... Вам нужен жених. Я готов искупить...

— Как?

— Я предлагаю свою кандидатуру.

— Чего-чего? — переспросила Лида.

— Я предлагаю себя в женихи,— упрямо повторил Коля, стараясь не встречаться глазами с женой.

— Интересно... А как ты себе это представляешь?

— Э... предлагаю совместительство! Сейчас все совмещают. Работу с заочной учебой, учебу с общественной деятельностью. Некоторые в трех местах работают, и ничего. Зарплата идет-с...

— Что ты несешь? — грубо оборвала мужа Лида.— В семейной жизни, знаешь, как это твое совместительство называется?

— Нет, а что, Лидочка,— вдруг оживилась Лаура,— а если фиктивно?

— Фиктивно? — крикнула оскорбленная Лида.— Да?.. Чтобы он мог на тебе фиктивно жениться, я должна с ним по-настоящему разойтись.

— Ну и что? — Лаура цепко держалась за свое.— Я же не насовсем, я же его верну... Под расписку...

— А свадьба будет? — неожиданно поинтересовался Коля, вдруг представив себе большой стол с закусками.

— Конечно,— совсем ожила Лаура,— чем фиктивнее брак, тем натуральнее должна быть свадьба.

Но тут Лида не выдержала. Она схватила Лаурину дубленку и выкинула ее за дверь:

— Чтоб духу!..

Поднимавшийся вверх с газетами Михеич даже рот раскрыл от удивления:

— Теперь полюбовниц выкидывают... Ты гляди, что делается.

СОДЕРЖАНИЕ

Отщепенка	3
Хирургическое вмешательство	10
Старший юморист	12
Дориан Грей Семенов	15
Историческое место	19
Стихийное бедствие	21
Стопроцентное алиби	22
Судьба ребенка	24
Мир тесен	25
Камуфляж	27
Сокровище	29
Сидоров Н. П., 32 лет...	31
Двойная ирония судьбы	34
Дезертирская морда	36
Светлая полоса жизни	39
Шкаф с сюрпризом	42
Фикция	45

Владимир Александрович Панков

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

Редактор В. Г. Победоносцев
Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 10.04.84 г. Подписано к печати 22.06.84 г.
А 10275. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл.
печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,98. Тираж 75 000 экз.
Изд. № 1644. Заказ 2602. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и Ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Как сатирик Владимир Панков принадлежит больше кино — он старший редактор Всесоюзного сатирического киножурнала «Фитиль». Но начинал он в «Крокодиле» и даже издал в Библиотеке Крокодила две книжки рассказов.

Постепенно с рассказов он перешел на произведения большего формата и напечатал в 1983 году две повести — «Русский письменный» и «Пользуясь случаем». Кроме этого, написал несколько пьес (понятно, комедий), роман (под многозначительным названием «Оперетта»), и тем не менее жанр сатирической миниатюры Владимира Панкова не отпускает — как в «Фитиле», так и в «Крокодиле».

Цена 20 коп.

Индекс 72 996.